

Открытки падали с неба

Автор:

[Лина Соле](#)

Открытки падали с неба

Лина Соле

Весенний город, утопающий в свежей изумрудной зелени, вечерняя прогулка влюблённой пары по набережной над слиянием двух рек. Что можно чувствовать в такой волшебный момент? Пожалуй, лёгкость, долгожданное счастье и безграничную свободу, если бы не одна случайность: неожиданно попавшая в руки главному герою открытка с образом незнакомки из прошлого. Случалось ли вам пережить мгновение, способное изменить жизнь, заставить сойти с привычного маршрута, переосмыслить ценности? Герою предстоит столкнуться с мистическими совпадениями, преодолеть внутренние противоречия и научиться справляться с непредвиденными трудностями. Роман, который вы держите в руках, о выборе и важности принятых решений, о силе духа, любви и осознанности.

Лина Соле

Открытки падали с неба

Когда на город синим полутонном

Ложится ночь в сиянье фонарей,

В мечты приходит призрачным фантомом

Тот, кто потерян в полумраке дней.

Глава 1. Открытки падали с неба

Весна выдалась необычайно теплой впервые за многие годы. Поэтому каждый день после работы или спортзала мы бродили с Машей по старинным улицам ставшего мне родным Нижнего Новгорода, заходили в кафе, раньше обычного открывшие летние веранды, ели мороженное на скамейках тихих дворов, бесконечно болтали и смеялись.

Был пятничный вечер, конец мая. Я гулял с Машей по набережной Феодоровского. Мы шли, держась за руки, периодически останавливались и смотрели то на проплывающие катера и баржи, то на отражение закатного солнца и причудливых облаков в воде, то просто целовались, поддавшись мимолетному желанию. Эйфория от легкости наших отношений заставляла меня все время улыбаться, наполняя сердце долгожданным теплом. В моей жизни было не так много серьезных романов, а случайных и того меньше, но все они заканчивались, так и не успев перерасти в предложение руки и сердца. Поэтому сейчас, в свои 28, я променял поиски «той самой» на ненавязчивость, легкость и озорство, которое мне могла подарить молодая студентка Маша.

– Что это такое? – спросила Маша, отрываясь от очередного спонтанного и оттого дико возбуждающего поцелуя. Я почти разозлился от столь резкого завершения, но обернулся. Маша показывала наверх: с неба летели небольшие цветные бумажки, словно осенние листья, медленно спускающиеся вниз.

– Какая разница? – ответил я. – Наверное, флаеры очередного кафе: «Ура, ура, мы открылись, приходите на нашу веранду пить апероль и делать селфи».

Маша захихикала:

– Скорее всего, но это так необычно, я сейчас.

Она побежала вслед за бумажками, а коварный ветер разносил листки по всей набережной, и они кружились маленькими вихрями по брусчатке. Я закатил глаза и хмыкнул: в этом была вся Маша, любопытная, энергичная и по-детски наивная. Я почему-то подумал в тот миг: «Это хорошо. Как раз то, что нужно».

моей уставшей душе». Я улыбнулся нелепой мысли, перевел взгляд от тоненького бегущего силуэта Маши вверх. Какое-то движение на балконе дома привлекло мое внимание, и новая порция бумажек взметнулась в воздух, сопровождаемая заливистым смехом. «Теперь понятно, кто портит город. Чертовы подростки», – злостно мелькнуло в голове, хотя я не видел, кто именно это был.

– Смотри, это не флаеры, – Маша подошла, протянула мне листок, размером с ладонь. Я взял его, это была распечатанная на принтере и стилизованная под снимок полароид открытка. С открытки на меня таинственно смотрела из-под густой челки девушка с огненно рыжими кудрями и добрыми голубыми глазами. Я знал ее. Молния мгновенного воспоминания пронзила мое сердце. Я знал ее и не знал. Я искал ее много лет назад и, отчаявшись, бросил поиски и продолжил жить, словно ее не было. Я сглотнул, выдохнул и поднял глаза на недоумевающую Машу.

– Ты в порядке? Ты стал бледным.

– Да, конечно, – я кивнул с секундной заминкой, – какие-то подростки балуются.

Я машинально смял драгоценную бумажку и сунул ее в карман. Что подумала Маша? Поняла ли, что я узнал девушку с открытки? Имело ли это значение?

– Здесь написано «Если уходить, то с улыбкой», – Маша держала такую же открытку в руке, – интересно, что это значит. Жалко, что это не флаер кафе, мы бы обязательно сходили.

Она грустно вздохнула и бросила листок на землю. Я проводил его взглядом, пока тот не коснулся брусчатки. Мне стало так досадно и больно, оттого что Маша просто выбросила открытку, единственное и внезапное напоминание о моей незнакомке.

– Пошли, Дань? Сегодня папа попросил быть пораньше, обсудить подарок Димке пока он на дачу уехал, у него 16-го день рождения, помнишь? Ты, кстати, тоже приглашен, – недолгое молчание. – Точнее, заочно, я сегодня как раз с папой обсужу.

Я посмотрел на Машу невидящим взглядом, легкость и теплота улетучились в миг: я не мог думать, не мог рассказать о своей неожиданной находке и не мог выдать себя. Я даже не слышал толком, что сказала Маша, что-то про день рождения брата. Мы смотрели друг на друга: Маша с вопросом, я с растерянностью. Ее улыбка померкла, она погрузилась:

– Ох, я знаю, что твоя первая встреча с папой произвела не лучшее о нем впечатление, но, Дань, он хороший, правда. Не беспокойся, я все улажу. Ты ему уже почти нравишься, просто мы тогда встретились не в лучшее время, понимаешь?

– Угу, – ответил я машинально. Я совсем не понимал, причем здесь ее деспотичный отец. На секунду мне стало противно от воспоминания о первой встрече с ним: я провожал Машу домой, мы встречались тогда буквально пару недель. Мы страстно целовались на ее подъезде, не в силах расстаться на сутки, и в один момент он появился из ниоткуда, грубо отодвинул Машу, заорал: «Быстро домой!». «Папа, папа, это Даня», – начала тогда оправдываться Маша. «Быстро домой», – почти по слогам по-звериному прошипел ее отец. Дверь в подъезд захлопнулась, и мне пришлось выслушать отборные помои в свой адрес о том, «да как ты смеешь своими грязными руками трогать мою девочку», «да кто ты вообще такой, хрен с горы?», «да знаешь, кто я такой? я тебя урою» и многое другое, сдобренное угрозами, матом и оскорблениями. Я был уверен, что на этом мой чудный двухнедельный роман завершен, но в тот же вечер по телефону Маша слезно умоляла простить ее отца за грубость, оправдывая его тем, что у него на службе застрелили коллегу при задержании, он отрапортовал, выпил с ОПЕРАми, возвращался домой и сорвался на мне.

Маша смотрела на меня жалостно:

– Мне, правда, домой надо, Дань. Все будет хорошо, вот увидишь.

Она крепко обняла меня, поцеловала в щеку. Болезненное воспоминание о ее отце немного вернуло меня в реальность. Я взял Машу за руку, и мы пошли в сторону ее дома. По дороге мы почти не разговаривали, да и идти было совсем близко. Странные мысли роем кружились в голове, но я не мог ни на чем сосредоточиться. Впервые за все наши отношения я был рад, что вечер подходит к концу, и мы расстаемся на ночь. Мне был нужен воздух, одиночество и, вероятно, стакан виски, чтобы привести мысли в порядок, остановить болезненный поток в голове и, может быть, уснуть.

Я поцеловал Машу на прощание, после чего она сказала:

– Мы же завтра идем в кино? Все в силе?

– Да, да, конечно, – вот блин, кино! Я бы не вспомнил об утреннем приглашении в кино даже под дулом пистолета ее папочки. Хотя сегодня, покупая билеты, радовался, как слюнявый подросток, что выбираю места на последний ряд. – Зайду за тобой в 12.

Мы поцеловались еще раз и распрощались.

Я хотел как можно быстрее добраться домой. Пешком можно было дойти за полчаса, но я вызвал такси и в машине вдруг осознал, какой же я дурак! Смех на балконе принадлежал моей незнакомке. Как могло быть иначе?! Какой это был этаж? Я не помню. Седьмой? Пятый? Идиот! Я проклинал себя всю дорогу. Подумал: «Нужно будет сходить туда завтра. Или сейчас? Да куда уж сейчас, голова раскалывается». Такси медленно припарковалось возле моего подъезда, я даже не заметил, как мы доехали. Я расплатился и побрел домой. Я был вымотан, как никогда прежде. Ни экзамены в университете, ни расставания с бывшими девушками со слезами и битьем посуды, ни панические атаки перед собеседованиями на работу мечты – ничто не выматывало так, как сегодняшнее потрясение. Она была рядом. Я бросил ключи на тумбочку, прошел на кухню, налил виски в кружку на столе, из которой с утра пил чай, отпил. Но больше не стал, просто не было сил. Не раздеваясь, я упал на диван и тут же заснул.

Глава 2. Кино отменяется

Я проснулся среди ночи от дикой головной боли. На часах было без пятнадцати два, за окном – темнота, с улицы доносились крики загулявшей допоздна молодежи. Я закрыл глаза в надежде, что смогу снова уснуть, но, полежав пару минут, все-таки пошел за таблеткой. На кухне подумал, не запить ли анальгин остатками виски, но и без того мерзкий вкус во рту остановил меня от непростительной ошибки. Я хотел быстрее лечь и уснуть, поэтому изо всех сил старался не допускать ни единой мысли в голову, хотя подумать было о чем. «Утром, все утром, сейчас – спать».

Но утра я не дождался. Я открыл глаза. Незнакомка стояла напротив, облокотившись на комод. Нахлынувшие чувства приковали меня к месту, но я не мог понять, что именно чувствовал, страх мешался с тоской, восторг – с ужасом. Я собрался с силами, начал подниматься с дивана, но она жестом остановила меня.

– Почему? – тихо спросил я.

Она молчала. Я нахмурился. «Это еще что такое? Сидит в моей квартире и указывает мне, что делать», – пронеслось в голове. Я резко скинул одеяло, поставил ногу на пол. Казалось, знакомку это опечалило. Она покачала головой, словно говоря: «Не надо», но ничего не сказала. Я остановился, смотрел на нее выжидающе. Если это какая-то игра, то я не понимал какая.

– Что ты хочешь? – мой голос сделался жестким, хотя я не планировал обижать ее или пугать. Тишина. – Так и будешь молчать?

Незнакомка опустила глаза. Мое напряжение росло. Я чувствовал, как злость пробирается когтями в самое сердце, наполняет вены. И все же, поддавшись инстинкту, я начал жадно рассматривать ее: на ней была синяя мини-юбка и обтягивающая белая блузка, распущенные волосы рассыпались волнами по плечам и груди, а ноги – босые. «Как мило, она даже разулась у меня дома», – сарказм в мыслях не прибавлял мне храбрости, но что-то нужно было делать, чтобы перехватить ситуацию, в конечном счете она – просто девчонка, хоть и взявшаяся непонятно откуда. Я спустил вторую ногу на пол, наклонился, готовясь встать. В этот момент она резко побежала ко мне, толкнула обратно на диван, а сама прыгнула сверху, пригвоздив мои руки к подушке.

Такого поворота я не ожидал. Ни резкости действий, ни уж точно ее силы. Наверное, мои округлившиеся от испуга и недоумения глаза развеселили ее, она улыбнулась такой обворожительной улыбкой и немного обмякла. Я сглотнул и еле прошептал:

– Если это ограбление, то забирай все, что хочешь.

Она закрыла лицо обеими руками, освободив мои, и беззвучно засмеялась. «Хорошо, – подумал я, – моей жизни ничего не угрожает. Кажется». Поскольку я

не мог узнать, что происходит, я перешел к другой более значимой теме.

– Как ты нашла меня? Как тебя зовут?

Незнакомка перестала смеяться и медленно прикоснулась пальцем к моим губам. Этот простой жест и что-то загадочное в ее взгляде взбудоражило во мне какие-то потаенные чувства и желания, о которых я не знал прежде. Может быть, абсурдность ситуации довела меня безумия, но триггер сработал: я схватил ее за бедра, с силой перевернул, чтобы она оказалась подо мной, и хищно начал ее целовать.

Резкий звук автомобильного сигнала и грохот удара. И в это мгновение все растворилось. Я вскочил, как ошпаренный. Ничего не понимая, огляделся по сторонам, на диване никого не было. Я упал обратно на мокрую от пота подушку, и застонал. «Нет, это не может быть просто сном. Я еще чувствую ее руки в моих руках, ее волосы на моем лице, ее запах, ее губы», – думал я, сжимая пустые кулаки, представляя ее исчезающий образ. Я лежал так несколько минут, пока не услышал крики с улицы. Теперь я понял, что крики были давно, просто я фокусировался на внутреннем монологе и не слышал их.

Я встал и выглянул в окно. Кости почему-то ломило, и я чувствовал слабость в каждой мышце. Люди на улице бежали в сторону соседней с моим домом остановки. Мне не было видно, что случилось, поэтому я решил спуститься. Я быстро сбежал по лестнице, даже не закрыв дверь. Остановка накренилась, на встречной полосе стоял поперек дороги автобус с разбитыми стеклами, толпа людей собиралась вокруг кольцом, многие плакали и испуганно кричали. Потом я увидел, как с бордюра красными тягучими водопадами на дорогу стекает кровь, попадая в уже очень большое темное озеро. Ближе подходить я не стал, все было понятно: авария, жертвы. С громкой сиреной, от которой голову прострелила боль, подъехала машина скорой помощи, выбегающие медработники в синих жилетах просили всех разойтись. Спустя пару минут подъехало несколько полицейских машин.

Я не спеша пошел к подъезду и вдруг присел на ступеньки, опустил голову на руки – сил подниматься в квартиру не было, меня бил озноб. В кармане брюк завибрировал телефон, я достал его, на экране – сообщение от Маши: «Привет, милый. Ты уже едешь? Я буду ждать около дома, прогуляюсь пока». Часы показывали 11.43. «Почему так поздно? Я должен в 12 быть у Маши», – я встал и добрел до квартиры. Странное утро выдалось. Я сел на диван и позвонил Маше:

- Привет, Маш. Я, кажется, заболел. Знобит.

- Дань, привет, ну вот. Давай я приеду? Куплю что-то, приготовлю? – голос у Маши был такой подавленный, что хотелось согласиться, лишь бы не печалить ее. Особенно не стоило говорить про аварию, что еще больше ее расстроило бы.

- Да нет, я же могу быть заразным. Просто отлежусь, еда есть дома. Не переживай, – я старался, чтобы голос казался бодрее.

- Как ты сейчас себя чувствуешь? Температуру мерил?

- Чувствую слабость. Надеюсь, что за выходные пройдет, сейчас поставлю градусник, думаю, что все не так страшно.

- Хорошо, пиши мне. Если что-то нужно, то я привезу, – Маша немного приободрилась. Я вспомнил про кино.

- Жалко, что в кино не получилось сегодня, ты так вчера обрадовалась, давно хотела посмотреть этот фильм.

- Прекрати, ничего страшного, еще сходим. Ты, главное, выздоравливай скорее.

- Спасибо, Маш. Буду отдыхать.

Мы распрощались. Чувствовал я себя паршиво, да и выглядел тоже. В зеркале напротив дивана отражение было удручающее: бледное лицо, растрепанные русые волосы потемнели от пота и казались почти черными, светло-серые глаза, стали еще прозрачнее. Я опустил взгляд на комод, где во сне стояла незнакомка. Печальная улыбка на секунду мелькнула на губах, и я замер. «Сколько было на часах после аварии? 11.43? – мысли понеслись, словно по рельсам причинно-следственных связей, – так, значит, авария произошла минут за 10-15 до этого, примерно в 11.30». Я вскочил с дивана, посмотрел сначала на комод, потом на диван, вспомнил, как незнакомка запрещала мне встать, и когда я воспротивился – перешла к решительным действиям, чтобы задержать меня в постели. Я не верил в такое совпадение: в 11.30 я должен был стоять на остановке, в 11.30 в остановку врезался автобус, умерли люди. Мог умереть и я.

«Ты спасла меня, – я осел на пол, не в состоянии думать о чем-то ином. – Ты спасла меня, незнакомка».

Глава 3. Детали

День прошел впустую. Озноб закончился почти сразу, градусник показывал 36.5. Состояние немного улучшилось, но слабость оставалась до вечера. Я почти ничего не ел – не было желания вставать с дивана, готовить, да и есть, честно говоря, не хотелось. Маша писала каждый час, спрашивала про самочувствие, порывалась приехать, но я успокоил ее, что «все нормально, я сытый, чистый, набираюсь сил». Хотя на самом деле все было наоборот. К вечеру я заснул.

Мучительные обрывки событий дня и ночи терзали сознание. Во сне я то успокаивался, ничего не чувствуя, то истошно кричал в пустоту: «Где ты, как тебя найти?» Мутные образы, едва-едва становившиеся узнаваемыми, начинали исчезать в красной вязкой жидкости. На мгновение я увидел лицо незнакомки, она поправила волосы рукой и улыбнулась, в голубых глазах виделось тихое спокойствие моря в штиль. Я прошептал во сне или наяву «Не молчи» и проснулся.

За окном было светло, я перевернулся на другой бок и не почувствовал ломоты в мышцах. Я не понимал, сколько проспал. Приподнявшись, я посмотрел на часы: 3.20 ночи. Желудок урчал, недовольно призывая закончить непрошеную голодовку. На удивление, я чувствовал себя здоровым и выспавшимся. Придя на кухню, я наскоро приготовил яичницу, пару бутербродов с добротным куском колбасы каждый и съел это холостяцкое чудо буквально за минуту. Поставил вариться кофе, что давно уже не делал. Толик, университетский друг, привез как-то из Италии в подарок чудо-кофеварку: налил воды, засыпал кофе, она попыхтела минут семь на огне, и отменный кофе готов. Зная мое почти наркотическое пристрастие к кофе в годы учебы, Толя выбрал самый большой размер и вручил со словами: «Держи, братан, это тебе на одну чашку», после чего звучно рассмеялся своим басом. Эта «итальянка» стала моей самой большой слабостью на долгие годы, как и пачка сигарет в день, пока тренер не предупредил, что такими темпами с футболом придется завязывать. Пришлось расставить приоритеты. Завязал сначала с сигаретами, потом с кофе. К сожалению, футбола тоже почти не стало в моей жизни, не из-за здоровья, но

потому что катастрофически не хватало времени. Я налил кофе в кружку, подождав пока упадут последние капли, мысленно поблагодарил друга: «Да, Толян, мой размер». Сел в кресло и решил, что пришло время все спокойно обдумать. С чего нужно было начать? Пожалуй, с самого начала.

Все случилось шесть лет назад, весной. Три раза в неделю я играл в футбол. Пары в Политехе закончились, я забежал домой, перекусил, взял сумку и пошел на остановку (на ту самую остановку, которую вчера протаранил автобус). Каждый раз во время часовой дороги меня злило, что нашей команде пришлось передислоцироваться на Автозавод[1 - Район Нижнего Новгорода]: арендная плата дешевле, большинство парней из команды жили в Нижней части города[2 - Нижний Новгород разделен на две исторических части: Заречная (Нижняя) и Нагорная (Верхняя). Нижняя часть находится на низинном левом берегу реки Оки, в то время как Верхняя - на холмистом правом.], и им, видите ли, было так удобнее. А мне приходилось 6 часов в неделю тратить на бесполезную дорогу.

Обычно на моей остановке никто не садился, она находилась между двумя ВУЗами со «своими остановками» и была неудобной для студентов. В тот день там стояла девушка спиной ко мне. Я, как обычно, мысленно негодовал о предстоящей дороге и не обратил бы внимания, если бы ее длинные рыжие волосы так не блестели на солнце. Я окинул ее взглядом: миниатюрная, стройные ноги, высокие каблуки. Подъезжала маршрутка, я замешкался, еле успел поднять руку, чтобы водитель затормозил. Забежал, оплатил проезд, сел на свободное место, забыв про девушку. На следующей остановке вошла орава студентов - привычно в такое время - заполнив собой весь салон. Я отстраненно смотрел в окно, подмечая только основные промежуточные пункты, чтобы не проехать стадион: площадь Минина, Речной вокзал, мост, Ярмарка, ж/д вокзал, а дальше - серость промышленно-спальных районов. Я вздохнул и перевел взгляд, маршрутка опустела наполовину.

На последнем месте сидела та самая девушка: глаза опущены в телефон, густая рыжая челка скрывает пол-лица. Она вытянула ноги, так как рядом никого не было, и забавно поставила туфли на каблуки носками вверх. В голове мелькнуло: «разве девушки так сидят?». Любопытство пересилило приличие - мне стало жутко интересно увидеть ее лицо, поэтому я нагло уставился на нее. Через две остановки нужно было выходить, она все так же смотрела на экран, а я - на нее. «Черт, жалко, - подумал я, - следующая моя», и стал пробираться к выходу. Я встал так, чтобы видеть ее, если вдруг она соизволит поднять голову. Что и случилось. Мы встретились взглядами и замерли на несколько секунд. Она была

очень красивой: бледная кожа, небольшой румянец, ярко покрашенные голубые глаза, густые ресницы, аккуратные веснушки и маленькие губы. Она казалась фарфоровой куклой: дотронься – разобьешь. Я так опешил и пялился на нее, не отводя глаз, за что впоследствии был готов убить себя. Какой-то резкий звук появился фоном и нарастал. «Эй, чего встал, выходить будешь? Зачем сигнал нажимал?» – кричал водитель. Я сообразил, что это он – мне, и без задней мысли сбежал по ступеням. Двери закрылись, маршрутка быстро отъехала, увозя от меня мою незнакомку.

Сказать, что я обезумел с того дня – ничего не сказать. Я говорил и думал только о ней. Каждый день я уходил с пар и бежал на ту остановку, сначала в 14.00 – время нашей встречи, потом на полчаса раньше, потом – на час. Я просто стоял на остановке, искал по сторонам, вглядывался в проезжающие маршрутки и автобусы. Дорога на футбол уже не была простой тратой времени, она стала настоящим квестом – найди скрытое в толпе. Друзья сначала поддерживали в поисках, видя мою решимость, мы вместе шерстили соцсети, но ничто не приносило результатов. Время шло, Толик и остальные начали подшучивать надо мной, а затем и вовсе отмахивались, стоило мне упомянуть незнакомку. Закончился апрель, прошел май, июньские экзамены, перевод на второй курс магистратуры. Каникулы.

Летом я перестал ее искать, устроился на временную работу и, конечно, не мог в середине дня уходить на 2-3 часа неизвестно куда. Времени на футбол становилось все меньше. Мы по-прежнему играли в воскресенье и один день на неделе после 7 вечера (ради меня), хотя парни, как и раньше, собирались днем в будни. На работе я сблизился с Леной, стажеркой из финансового отдела, пришедшей в компанию со мной в один день. Через месяц она переехала ко мне, и думать о мифической девушке из маршрутки стало бесполезно.

Уже рассвело, и под окном начали шуметь первые автобусы. Я помыл тарелку, кружку, разобрал и почистил кофеварку, убрал сковороду в духовку, которой никто кроме Лены не пользовался за все 10 лет. Как я мог забыть про открытку! Я сунул руку в карман брюк, а сам подумал: «Я не раздевался и не мылся два дня, надо срочно в душ». Руки дрожали, сердце надрывно билось. Расправив измятый листок, я с трепетом начал рассматривать мельчайшие детали знакомого лица. На меня смотрели голубые глаза, маленькие родинки притаились справа под губой и над левой бровью, россыпь веснушек словно стала ярче, а лицо – чуть темнее и взрослее, в ушах – длинные серьги с цветными камнями. Все-таки память – странная штука, я бы и через десятки лет

вспомнил это лицо, пусть без деталей, которых не заметил при первой встрече, но ее образ засел во мне слишком глубоко, в самых неприкасаемых ячейках подсознания. Я бережно коснулся пальцами открытки и заложил ее между страниц толстой книги, решив, что надо ее хорошенько разгладить и сохранить. Я чувствовал тоску и опустошение, я не знал, что делать дальше. Повертев книгу в руках, я положил ее рядом с диваном и отправился в душ.

Глава 4. Маша

Я полностью отдался во власть струй прохладной воды, воображал, будто она снимает с меня душевное и физическое напряжение. Я хотел вернуть ту легкость, которая еще пару дней назад грела мое сердце. Последние месяцы были довольно счастливыми, не считая встречи с Машиним отцом и нескольких рабочих неурядиц. Как бы мне хотелось, чтобы все так и продолжалось. С Машей мне было хорошо и беззаботно: она не требовала от меня невообразимых мужских поступков, слов о вечной любви, дорогих подарков. Возможно, я, дурак, не замечал, но она казалась мне такой влюбленной и довольной жизнью, что я видел в этом исключительно свою заслугу.

Продолжить жить той жизнью – значило не думать о незнакомке, не пытаться найти ее. Способен ли я был на такое? Пожалуй, да, ведь однажды я уже выбрал отношения с Леной, заблокировав лишние мысли, несбыточные желания и пустые иллюзии. Но в тот момент я опустил руки, был истощен и лишен моральной поддержки друзей. Зато я был одинок, поэтому имел полное моральное право проводить свое свободное время, как считал нужным, хоть целыми сутками стоять на той остановке. Потом в моей жизни появилась Лена, и я сделал выбор. Сейчас же я встречался с Машей, думать о другой женщине и тем более искать ее за Машиней спиной – означало быть подонком в глазах любимой и общества, в собственных глазах, в конце концов.

Я вышел из душа с почти принятым решением, пусть оно было зыбким и не сформированным окончательно, но меня радовало направление мыслей и стройность логики. На телефоне отображалось два пропущенных звонка от Маши. Я перезвонил:

– Привет, Маш, извини, не слышал. Был в душе. Как дела?

Молчание в трубке меня напугало: после мистики прошедшего дня я почему-то на секунду подумал, что Маша прочитала мои мысли о незнакомке и была готова расстаться со мной без объяснения причин.

- Маша, ты слышишь? - я услышал всхлипывания и заволновался не на шутку, все ли в порядке.

- Дань, меня папа не хочет выпускать на улицу до экзамена, - еле слышно шептала Маша, постоянно прерываясь на слезы. Я начал прокручивать в памяти, когда должен быть экзамен.

- Экзамен ведь через две недели, так?

- Да, 15 июня, - уточнила тихо Маша.

- Хорошо, ты главное успокойся, ничего же страшного нет. Я уж испугался, вдруг что-то случилось с тобой.

- Это и есть страшное! Мы с тобой две недели не увидимся, - она помолчала немного, - и потом на день рождение Димки мы улетаем в Тунис. Такой вот подарок папа сделал Диме, а получилось, что мне все испортил. То есть, мы целый месяц не увидимся с тобой.

Маша заплакала, я не знал, как ее успокоить, мне стало не по себе: плачущие девушки - не та проблема, с которой учат справляться мальчиков в детстве.

- Месяц - это долго, но как минимум мы после экзамена можем увидеться, хотя бы на несколько часов, - мой мозг начал генерировать неплохие советы.

- Можно я приеду, Дань?

- Можно, конечно, но тебя же отец не выпускает?

- Он сказал, что я с понедельника должна оставаться дома, даже в спортзал запретил ходить, представляешь? Сказал: «В интернете посмотришь упражнения, и дома будет тебе спортзал», - неприязнь и сарказм так и сквозили

в Машиных словах, хотя я был уверен, что ее отец – беспрекословный авторитет для нее.

– Он же как лучше хочет, – я удивился своей реакции: с какой стати я защищал ее отца, который меня бы с радостью убил при первом удобном случае. Да, Маша была права, именно такое у меня сложилось мнение об этом человеке.

– Как ты себя чувствуешь? – перевела тему Маша, я был рад, что она не заострила внимание на прошлой фразе.

– Я? – я уже и забыл, что вчера не мог подняться с постели. – Хорошо, к утру все прошло.

– Тогда я приеду, – без лишних вопросов констатировала Маша.

– Хорошо. Жду тебя.

Времени до приезда Маши было немного, я окинул взглядом квартиру – вроде бы все было чисто, раскиданных вещей не было. Я, в принципе, был аккуратным человеком: в детстве сурового маминого «быстро прибрался, а то гулять не пойдешь» было достаточно, чтобы привить бессознательную любовь к чистоте и порядку. Я убрал постельное белье, собрал диван, достал спортивные шорты и футболку, и, одеваясь, подумал, что сегодняшней футбол придется отменить, так как надо было выжать максимум из последнего дня с Машей. «Последнего дня до ее заточения, конечно», – мелькнуло в голове не прошеное уточнение. Я написал в футбольный чат, что сегодня не смогу прийти. Парни не прореагировали, они давно потеряли всякий интерес к моей персоне, как к футболисту, хотя дружить мы не переставали, периодически пересекаясь после работы в баре.

Маша приехала через полчаса, расстроенная, с опухшими глазами, с порога кинулась ко мне в объятия и горько разрыдалась. Я никогда прежде не видел ее такой подавленной и беззащитной. Мы долго стояли в коридоре, я успокаивал ее, как мог, говорил, что все будет хорошо, гладил по спине, плечам, целовал ее глаза, губы, щеки, лишь бы она стала снова той радостной и улыбчивой девушкой, которую я знал. В итоге она перестала плакать, вытерла руками последние слезы, мы прошли в комнату, сели на диван и стали обсуждать сложившуюся ситуацию. Во время разговора Маша готова была расплакаться

множество раз, но все же держалась.

Как я понял, переубедить ее отца не удастся – пока Маша не сдаст экзамен, выйти ей не разрешалось. Виной всему был, конечно, я: по мнению ее отца, с начала наших отношений Маша перестала нормально учиться, каждый день до ночи пропадала «черт знает где» (про себя я добавил: «Черт знает с кем»). Поэтому табу распространялось, главным образом, на наше личное общение. Я пообещал, что мы будем созваниваться по видеосвязи при каждой возможности, а после экзамена я ненадолго заберу ее к себе. То, что сразу после экзамена Машу увозили на «принудительный», по ее словам, отдых, печалило ее больше всего: из всех возможных подарков на совершеннолетие брата, отец выбрал тот, который был для нее неприемлемым. Но, увы, билеты уже были куплены, а ругаться с отцом еще раз Маша была не готова. «Лучше сдать, Дань, с ним спорить – себе дороже», – сказала Маша, бессильно опустив голову мне на плечо. Я успокоил ее, что разлука на месяц – это несущественно, и что я все равно всегда рядом, стоит взять телефон в руки. В конце разговора Маша даже улыбнулась и крепко обняла меня.

– Пошли в кино, я проштрафился вчера, самое время исправить, – предложил я.

– Хорошо, – согласилась Маша, – но сначала...

Она замолчала и опустила руку мне на шорты, тело отреагировало мгновенным возбуждением. Мы стали ненасытно целоваться, повалившись на диван, после чего страстно и яростно занялись любовью. После оргазма я зарылся лицом в ее белокурые локоны, прижал Машу сзади, обхватив руками маленькую упругую грудь. Мне нравилось ее тело – высокая, стройная, спортивная, тонкая талия, длинные ноги. Мы познакомились в спортзале, пройти мимо, не обратив внимания, было невозможно: она растягивалась перед тренировкой, демонстрируя нереальный шпагат. Поймав тогда мой взгляд в зеркале, она подмигнула мне, а тем же вечером мы сидели в кафе, и я любовался ее карими глазами, пухлыми губами и тонкими длинными пальчиками, которые теребили салфетку.

Мы долго лежали и болтали о пустяках. «Вот и вернулась моя смешная Маша», – подумал я с облегчением, только ее припухшие веки выдавали утренние переживания. Мы собрались и отправились в кино на пропущенный вчера фильм, потом поели на любимой веранде на Покровке и, как обычно, пошли гулять. За разговором я не следил, куда мы идем, просто радостно было идти, держаться

за руки, смеяться и дурачиться: Маша запрыгивала на высокие клумбы, а я бодро подхватывал ее за талию и кружил в воздухе, она хохотала и ловила развевающуюся юбку. Раньше я не был таким, наоборот, в детстве всегда казался застенчивым и нерешительным; в юности, с переездом в Нижний, пришлось искоренить в себе нерешительность, но я остался тихим и собранным. Маша раскрывала во мне новые стороны, что делало ее особенной для меня.

Я не заметил, когда мы вышли на набережную Феодоровского, в какой-то момент под ногами я увидел знакомую открытку, она была перевернута, но я знал – это она. В сердце кольнуло, я огляделся. Дворники собрали почти все, лишь в некоторых местах на склоне лежали разнесенные ветром листки. Я отметил, как похолодели руки, но голова осталась трезвой: я сознательно не хотел впускать мысли о незнакомке. И все же я поднял взгляд на дом, из которого летели открытки, в котором, вероятно, жила она. «Нет, я уже не найду тот балкон, это хорошо», – мелькнуло внутри, я немного успокоился. Но маленькая, как заноза, мысль прокрадывалась из самого подсознания: «А что, если просто подождать ее около подъезда. День-два, она же выйдет на работу или в магазин». Я сглотнул, я так не хотел тратить день, который посвятил Маше, на кого бы то ни было еще. Усилием воли я сконцентрировал внимание на рассказе Маши, она восторженно говорила о том, как в детстве занималась бальными танцами. Я решил, что смотреть на нее и всецело проникнуть в беседу – лучшее избавление от ненужных мыслей. Так оно и стало, мы неспешно прошли мимо дома, мимо памятника Жюль Верну, и вот уже шли в сторону Машиного дома.

Вдруг Маша остановилась и резко развернулась ко мне. Она смотрела прямо в глаза, серьезная и немного напуганная, и неожиданно произнесла:

– Я люблю тебя, Даня.

Я замер, не то, чтобы я не мог или не хотел ответить ей взаимностью, просто я не думал об этом раньше, все шло по течению, и я даже не знал, люблю ли. Для меня это всегда были серьезные слова, как печать, скрепляющая документ. Я говорил их только двум девушкам в жизни. Молчание неприлично затягивалось, и Маша улыбнулась, быстро поцеловала меня и хитро прошептала:

– Не отвечай, я и так знаю, – она подмигнула мне, как в первый день нашей встречи, развернулась и побежала вперед, легкая и воздушная. – Догоняй.

Она бежала, смеясь, я побежал за ней, а сам думал: «Почему я промолчал? Ей важно было услышать это сейчас, перед долгой разлукой. Почему я не смог сказать «я люблю тебя?» А внутри иглой уколол в самое сердце ответ: «Незнакомка». «Ну, уж нет, я не позволю мифической девушке разрушить все», – я так разозлился, ускорил бег, настиг Машу, схватил в охапку и твердо сказал: «Я люблю тебя». После чего мы долго целовались, стоя по середине тротуара, люди недовольно обходили нас, но это не имело значения.

Я был спокоен и счастлив ровно до момента, пока за Машей не закрылась дверь подъезда. Начинался месяц одиночества, хоть и условного, но все же ощутимого. Я привык каждый день видеться с Машей, ждать свиданий и спешить к ее дому после работы, вместе возвращаться из спортзала по понедельникам, средам и четвергам. Я развернулся на подъезде, спустился и впервые за последние четыре года подумал, что неплохо бы покурить. Всю дорогу домой я отгонял от себя эту навязчивую мысль. Было уже достаточно поздно, дома я сварил макароны, натер сыр, а пока ел, начал переживать о том, нужно ли было говорить о чувствах так быстро. «Во-первых, сказанного не вернешь, – рассуждал я, – да и как можно обдумать «люблю или не люблю»? Эти слова говорятся всегда в порыве, так и было сегодня». Но подсознание настойчиво шептало: «Нет, не так, и ты знаешь это».

Я завел будильник – завтра на работу, написал Маше пожелание спокойной ночи. Долго не мог закончить фразу в конце: «я любл...», но Маша опередила, на экране высветилось сообщение от нее: «Спокойной ночи, милый Даня. Спасибо за сегодня. Я люблю тебя». Я дописал свое «я люблю тебя» и нажал «оправить». Я долго крутился в постели, никак не мог уснуть, мысли ураганом бушевали, не давая мозгу расслабиться. И в какой-то миг я, наконец, провалился в сон.

Мы с Машей сидели на диване, она опустила руку мне на шорты, я закрыл глаза, волна возбуждения начала расходиться по телу, рука ловко и умело проскользнула под ткань, я ухмыльнулся, я хотел продолжения. Я открыл глаза, передо мной сидела незнакомка, взгляд, помутненный желанием, губы приоткрыты, обнаженная большая грудь и рыжие волосы, касающиеся сосков. Я испугался и окаменел. Незнакомка же продолжала ласкать меня, словно ничего не замечая, она провела свободной рукой по моей груди вверх, мурашки пробежали по спине, и я не понимал: от ужаса или возбуждения. Большим пальцем она коснулась моей нижней губы и посмотрела мне в глаза, выжидающе. «Я хочу тебя», – произнес я бескомпромиссно. Она склонила голову набок, волосы упали на лицо, она ничего не говорила и ничего не делала. Чего

она ждала? Затем она приблизилась ко мне, так близко к моим губам, что я чувствовал ее дыхание на лице, и все так же смотрела своими огромными голубыми глазами. Я заметил на ней длинные серьги с цветными камнями.

«Я хочу только тебя», – сказал я с выдохом, и мы слились в бесконечном поцелуе. Она легла на меня, обхватив ногами мои бедра, а руками ласкала торс, шею, волосы. Я скользил пальцами по ее нежной коже, нащупал ямочки на пояснице, обхватил ладонями упругие ягодицы и застонал от сильнейшего возбуждения. Я сдерживался, чтобы не перейти хрупкую грань, хотел продлить это мгновение: узнавать ее тело руками, ощущать ее сладковатый запах, такой новый и незнакомый для меня, слышать ее частое дыхание. Она заполнила собой всего меня, став в этот момент единения для меня целой Вселенной. Я с силой сжал ее бедра и вошел в нее.

Будильник зазвонил одновременно с тем, как я испытал сильнейший в своей жизни оргазм.

Началось лето.

Глава 5. На перекрестке

Весь день на работе я не мог прийти в себя, хорошо, что не было серьезных дел. Мысли носились по кругу: свидание с Машей, признание в любви, сон о сексе с незнакомкой. Я понимал всю бессмысленность происходящего: самое важное – Маша и наши отношения, а сны и прочая мистика – не более чем плод моего воображения. В то же время в новых обстоятельствах разлуки с Машей на целый месяц я не был уверен, что мне хватит решимости не совершить глупостей: идея о возвращении к дому незнакомки не отпускала меня, зудела, словно комариный укус.

Кажется, я сидел и смотрел в стену, не в силах заниматься рабочими вопросами, когда телефон завибрировал, на экране высветилось сообщение от Маши:

«Привет, Даня. Как дела? Я засела за учебники. Отсчет пошел, день 1. Скучаю, люблю».

Я смотрел на сообщение и не знал, что ответить. Самое важное – не дать Маше повода думать, что со мной что-то не так, что в мысли прокралась незнакомая девушка из прошлого, особенно то, что Маша сама на ладони принесла мне это напоминание. Я сглотнул и отложил телефон в надежде, что вдохновение на ответ посетит меня в ближайшее время.

Я смотрел на часы, стрелка, не торопясь, подползала к двенадцати. Скоро обед, а значит, шанс выйти на улицу, проветрить голову, поболтать с коллегами о последних сплетнях и новостях, тем более что в конце июня намечался сплав по реке, и все разговоры последних встреч были о том, где дешевле арендовать байдарку, кто с кем поедет и будет ночевать, сколько самогона и гитар брать с собой. На обеде коллеги заметили перемены: раньше я всегда поддерживал разговор и давал советы по снаряжению, так как в студенческие годы иногда ходил в пешие походы, сегодня же я молчал и даже не следил за беседой. Я отшутился, что мои бесплатные советы кончились и, если они хотят знать что-то еще, придется раскошелиться. Все посмеялись и не стали допытываться расспросами, о чем я мысленно поблагодарил ребят.

Оставалось минут пятнадцать до окончания обеденного перерыва, я решил прогуляться до парка Кулибина. По дороге я зашел в небольшой продуктовый, чтобы купить воды, а сам, стоя в очереди, уставился на ценник с сигаретами. «Оно того не стоит», – мысленно убеждал я себя. «Если уж не сейчас – то когда? Мне нужно успокоиться, а сигарета всегда помогала», – эта мысль мне не нравилась, но манила.

– Здравствуйте, что вам? – милостивая пожилая женщина-продавец обратилась ко мне.

– Воды, – отозвался я, подумав: «Вот и молодец», – негазированной, пожалуйста.

Я был напряжен, пока не расплатился и не вышел из магазина. Едва ли я побежал бы обратно, врываясь без очереди с криками: «Еще пачку сигарет, скорее», но меня жутко взбесила и расстроила моя сиюминутная слабость. Я отпил воды, что-то нужно было делать: если я продолжу бесполезным овощем просиживать время на работе, а в перерывах бегать в магазин за сигаретами, то, во-первых, меня быстро уволят, во-вторых, я возненавижу себя окончательно. Я достал телефон, нужно было ответить Маше. Я присел на скамейку в парке, закрыл глаза и вспомнил вчерашний день. Концентрируясь на мыслях о Маше, я словно наполнялся светом, хоть он и был немного замутнен ночными событиями.

«Умница! Все выучишь, сдашь, и совсем скоро увидимся. Скучаю очень».

Я, правда, очень скучал. Мне бы хотелось, чтобы она сидела рядом, живо рассказывала о том, что ей приходится зазубривать «эти бесполезные книги», когда вокруг «такая нереальная погода». Хотелось бы обнять ее и видеть, как она смеется. Мне был нужен ее вечный оптимизм и непробиваемая уверенность, что «все будет хорошо». Увы, меня отделяла целая пропасть от Машиного позитивного мышления. Через несколько секунд я получил ответ:

«Ты долго не отвечал, много дел на работе? Я не буду отвлекать, просто бесят эти книги, погулять хочется», – я улыбнулся тому, что угадал желания Маши.

«Да, на работе завал, прости», – я вздохнул, врать мне не хотелось, но какую правду я мог сказать?

«Это даже к лучшему, не будет повода и мне отвлекаться», – в любой ситуации Маша нашла бы что-то хорошее и обнадеживающее. Мне стоило учиться у нее.

Я побрел на работу, надеясь, этот день станет первым и единственным для подобной апатии. Новая работа приносила мне небывалое удовольствие. Я очень долго искал именно такое место, где пригодятся полученные в университете знания, и в то же время будет интересно и перспективно. Пока я учился в Политехе, подрабатывал и грузчиком, и доставщиком, и даже ассистентом в банке. После окончания ВУЗа я устроился по специальности младшим конструктором в крошечную фирму, но ни о каком развитии там речи быть не могло: спроектировав один узел, я чертил его в разных конфигурациях, кажется, еще миллион раз. Работа приводила в уныние, я уже почти решил вернуться в банк, когда увидел вакансию на рекрутинговом сайте: требуется конструктор с опытом 3-5 лет в крупную международную фирму. Я бросил все силы на подготовку: получив по почте огромный список литературы к первому собеседованию, я изучал его днями и ночами, параллельно слушал курсы по новым программам. Я так волновался тогда, что впервые в жизни пережил паническую атаку. Три этапа собеседований прошли, прошли и все переживания: я был принят на должность конструктора с испытательным сроком в три месяца, который, к счастью, не так давно успешно завершился.

День подходил к концу, к вечеру мне даже удалось справиться с силами и закончить небольшое задание. Я собирал сумку, когда ко мне подошел Лёня,

программист, с которым мы дружили и часто работали вместе на проектах:

- Дань, ты сегодня в зал? Какой-то ты тихий за обедом был, все в порядке?

- Все нормально, Лёнь, не выспался, наверное. Да, собираюсь в зал, а ты?

- Нет, я сегодня пас, но давай подброшу, мне по пути. Мы сегодня в бар идем день рождения Сани отмечать, заходи вечером в «Берлогу», выпьешь пива, расслабишься?

- Да я и Сашу-то толком не знаю, - я хорошо общался с Лёней и еще парой ребят из его отдела, но с остальными даже не был знаком, в том числе, с Сашей.

- Да брось, к тому моменту, как ты подойдешь, большинство или разойдутся, или будут пьяными и примут, как своего. Я тебя, в общем, жду, - на этих словах Лёня ткнул пальцем мне в грудь. - Пошел собираться, встретимся на парковке.

- Угу, - я не нашел, что ответить, идти, мне не хотелось, но Лёня был прав: немного расслабиться в компании коллег не было такой уж плохой идеей.

Мы доехали до спортзала, Лёня высадил меня, напомнив еще раз, что они празднуют в «Берлоге». После тренировки я поплавал в бассейне и даже посидел в хаммаме, чего обычно не делал. Идя в бассейн, я думал оттянуть время: «Все разойдутся, Лёня скажет, что я - тормоз, и что меня никто не дождался», даже отключил телефон, чтобы раньше времени не отвлекаться. Но в хаммаме меня так разморило, что я стал мечтать о кружке холодного пива. Я быстро собрался, движимый желанием и неожиданным приливом сил, вышел из зала и поторопился в бар. Было около 8.30 вечера, на улицах гуляли толпы людей, погода стояла потрясающе теплая, марево первого летнего дня утихло, и опустилась приятная вечерняя прохлада.

Я торопился и старался выбирать улицы с нерегулируемыми переходами, чтобы добраться до места, пока желание не прошло так же быстро, как появилось. Я подгонял все встречающиеся светофоры и был почти на месте, оставалось 10-9-8 секунд до включения зеленого света, чтобы перейти улицу и выйти на финишную прямую к бару. Перекресток был довольно оживленный, я смотрел на красный свет и уменьшающиеся секунды, 5-4-3, к красному сигналу светофора добавился желтый, я опустил глаза, готовый шагнуть, и замер, как вкопанный.

На другой стороне дороги в толпе людей стояла незнакомка. Она говорила с кем-то и смеялась, я не видел с кем. Включился зеленый свет, люди переходили дорогу, пошла и она мне навстречу. Меня начали толкать сзади недовольные пешеходы – я стоял, не двигаясь, мешался им на пути. Я смотрел на нее, стараясь запомнить каждую мелочь: белое свободное платье, светлые туфли без каблука, большая фиолетовая сумка через плечо и, я не верил глазам, рыжие волосы, но не длинные, а коротко остриженные, дерзкой волной были зачесаны набок. Можно было пройти мимо и не узнать ее в этом маленьком эльфе с почти мальчишеской стрижкой, но я не сомневался ни на миг, что наконец-то встретил ее.

Незнакомка приближалась. Она оторвалась от разговора и проследила, как я потом понял, за источником всеобщего негодования толпы, и посмотрела на меня. Я, не отрываясь, провожал ее замороженным взглядом, кажется, она смутилась и отвела глаза. Толпа, теперь уже переходящая дорогу с ее стороны, сердито обходила меня справа и слева, вот мы поравнялись с незнакомкой, и она снова подняла на меня огромные голубые глаза, в них был небольшой испуг и замешательство. И прошла мимо. Я чувствовал, что не могу двигаться, я оторопел, сердце стучало на пределе возможностей, я повернулся и смотрел ей вслед. Меня охватил ужас: «Она уходит. Уходит!», но я не мог заставить себя сделать шаг.

Через мгновение, она обернулась, я только теперь заметил, что она идет с двумя девушками. Они остановились, что-то сказали друг другу, и незнакомка пошла ко мне навстречу. Она пристально смотрела на меня, словно пытаюсь вспомнить, кто я такой. Остановившись в метре от меня и еще больше округлив глаза, незнакомка спросила:

– Привет. Извините, мы знакомы? – я впервые услышал ее голос, немного низкий, бархатный, обволакивающий. В ее взгляде был вопрос. Ох, как я хорошо знал этот взгляд после сегодняшней ночи.

– Нет, – говорить я хотя бы мог, что уже радовало. – Еще не знакомы.

– Просто вы так смотрели, – словно продолжая свою незаконченную мысль, сказала она и сбилась, немного нахмурившись. – Э-э, что вы имеете в виду?

Она явно не ожидала, что я ее не знаю. Наверное, она думала, что встречала меня где-то по работе или на учебе, но забыла.

– Мы можем встретиться с вами? – я сам был в шоке от своей дерзости, но действовать нужно было решительно. У меня был единственный шанс. – Завтра после шести вечера?

– Извините? – она склонила голову набок. Такое же движение она совершила и во сне, но откуда я, черт возьми, мог знать ее повадки? Мне стало не по себе. – Вы меня на свидание приглашаете?

Растерянность на ее лице сменилась на недоверчивую улыбку.

– Да, – только и мог вымолвить я. Кажется, теперь я потерял не только способность двигаться, но и говорить.

– Нет, я занята завтра.

– Допоздна? – почти шепотом спросил я. Я не мог ее отпустить, не мог снова потерять, я соскребал остатки храбрости со своего колотящегося сердца.

Она пожала плечами, словно прикидывая, и ответила:

– Часов до девяти точно.

– Мы можем увидеться после? Здесь, на этом месте, – только сейчас я заметил, что новая порция пешеходов недовольно обходит нас с двух сторон, оглядываясь и качая головами.

Незнакомка засмеялась. Она полезла в сумку, достала небольшую зеленую папку, и протянула мне визитку.

– Позвоните завтра, договоримся. Сейчас мне пора, меня жду, – она развернулась и побежала к девушкам, стоящим поодаль. В какой-то миг незнакомка обернулась и подарила мне совершенно обворожительную улыбку на прощание.

Я опустил взгляд на визитку, которую слишком крепко сжимал, что она немного погнулась.

«Инна Малышева, дизайнер. Архитектурное бюро «Капитель». Телефон, e-mail...».

Я видел, как девушки отдалялись от меня, а затем свернули вправо, потерявшись из виду. Я пошел в сторону дома.

«Инна, тебя зовут Инна, моя незнакомка», – думал я по дороге, и душа ликовала.

Глава 6. Утро

Я с трудом верил в случившееся; дорога по тенистым улицам слегка привела меня в чувства. Я дышал глубже обычного, во-первых, чтобы успокоить бешеный ритм сердца, во-вторых, потому что был счастлив. В те минуты я был готов, казалось, на все, на любые рискованные авантюры и экстремальные действия, я почти физически ощущал адреналин в крови. Я вернулся домой в эйфории, скинул вещи, прыгнул на диван и лежал минут десять, просто улыбаясь и пытаюсь осознать происходящее. Затем я резко поднялся, достал открытку из книги, положил рядом визитку. Я смотрел на эти цветные карточки, как на самое драгоценное сокровище, которое только мог добыть в жизни. Слева – навсегда сохранившееся в моей памяти прекрасное лицо девушки, потерянной много лет назад. Справа – номер телефона, по которому я мог найти ее, найти здесь и сейчас, а не бессмысленно проводя долгие часы на пустой остановке, всматриваясь в усталые лица прохожих.

На миг я подумал, не написать ли мне Инне сообщение, мороз пробежал по коже. «Нет, нет, не пугай ее, ей и так хватило на сегодня моего неадекватного поведения», – подумал я и немного расслабился. Что-то знакомое подростковое было в переполнявших меня чувствах, я ощущал себя пятнадцатилетним парнем, осмелившимся пригласить девушку на первое в своей жизни свидание. Я слишком давно не испытывал ничего подобного, успел забыть этот легкий трепет во всем теле, мурашки на коже, скованное дыхание. Я даже кусал губу, как тринадцать лет назад на школьном дворе, стоя напротив своей первой любви.

«Так, надо собраться», – с этими мыслями я поднялся и отправился в душ. Я думал об Инне, представлял ее такой, какой видел сегодня, она изменилась с нашей первой встречи в автобусе, даже с фото на открытке – короткая стрижка, челка не скрывает лоб и глаза, обновленная, но все такая же прекрасная. Себя я тоже чувствовал изменившимся, не визуально, но внутренне. Под сильными прохладными струями душа я нащупывал внутри что-то новое или, наоборот, давно забытое. Я хотел докопаться до сути, искал аналогии. Я ощущал себя мальчиком, потерявшем в саду любимого мишку; родители купили новые игрушки – машинки и конструкторы, да и я уже давно вырос. И вот, спустя много лет приехав в родительский дом и сидя под яблоней в саду, я увидел знакомую лохматую лапу в ветвях. Что бы я чувствовал? Счастье, смешанное с меланхолией, неожиданную радость и облегчение. Что бы я сделал? Достал полинявшего мишку с выросшей яблони и забрал его с собой в новую взрослую жизнь, пусть не как игрушку, но как талисман. Я вышел из душа свежим, успокоившимся и не менее счастливым. На диване все так же лежали открытка и визитка, я прилег рядом и незаметно для себя уснул, смотря на лицо Инны.

В ту ночь мне ничего не снилось. Я проснулся от доносившегося с улицы шелеста метлы дворника. Бросил взгляд на часы – 5.40, рановато, но спать не хотелось. Через секунду я в ужасе вспомнил, что не завел вчера будильник, и подумал: «Где вообще мой телефон?» Я нашел его в спортивной сумке в прихожей, он был выключен. «Блин, как же так? – я качал головой, пока на экране крутилось колесико включения. – Я даже Лёне не написал, что не приду, и Маша, наверное, потеряла меня». Когда телефон включился, посыпались всплывающие окна пропущенных сообщений и звонков: Маша – 3 пропущенных звонка, 4 сообщения; Лёня – 2 пропущенных, 1 сообщение; пропущенный звонок от мамы.

Стоя в коридоре, я начал читать с менее болезненного:

«Я так понимаю, тебя не ждать? Сижу еще полчаса и валю. Если у тебя разрядился телефон, но ты все-таки придешь – с меня пиво в четверг», – хорошо, что сообщение от Лёни завершалось на позитивной ноте, да еще и предоставляло мне уважительное алиби.

Далее я принялся за сообщения от Маши. Мне было не по себе: я чувствовал себя виноватым. Не столько за неотвеченные звонки и сообщения, сколько за то, что думал о другой. Точнее даже за то, как я о ней думал, и какие эмоции эти мысли рождали во мне. И еще за то, что я собирался сделать сегодня.

«Ты, наверное, сейчас в зале? Или пришлось задержаться на работе? Я изо всех сил старалась тебя не отвлекать», – безобидное первое сообщение. Спустя час первый пропущенный звонок, через 15 минут – еще один.

«Ну вот, у тебя телефон сел? Приходи скорее домой, я соскучилась. Когда зарядишь, давай созвонимся?» – полное надежд второе сообщение. Через два часа, в 9 вечера, еще один пропущенный звонок, а через час следующее сообщение: «Где ты, Дань? Я беспокоюсь».

Я грустно вздохнул, заставляя Машу переживать мне хотелось меньше всего. Открыл последнее сообщение: «Спокойной ночи, милый. Я надеюсь, что ничего не случилось, и ты просто допоздна задержался на работе и в зале. Напиши, как прочитаешь, даже поздно ночью, чтобы я не переживала. Люблю тебя». Я покрутил телефон в руках, было время написать что-то успокаивающее, нейтральное, а отправить сообщение я решил позже, чтобы не будить Машу. Тем более, Маша сама дала мне ключевые зацепки для реалистичного оправдания.

«Привет, Маша, телефон вчера действительно разрядился, вот только включил. Работы очень много, даже минуты написать тебе не было, – я врал, врал, врал, но выбора не было. – Вечером пошел в зал и поздно вернулся домой, принял душ и уснул без сил». Вторая половина сообщения вышла весьма правдоподобной, хоть самые существенные детали были опущены. Я машинально дописал: «Прости меня, люблю», но, подумав, стер эти слова. Я не хотел писать то, что не чувствую. «Как интересно, – прошептал внутренний голос, тот, который все знал и подмечал. – Надо об этом поразмышлять». Я резко прервал внутренний диалог, не хватало еще второй день на работе провести впустую.

Пройдя в комнату, я нашел на диване открытку с визиткой: это зрелище меня позабавило, в голове промелькнуло: «Моя первая ночь с Инной». Я бессознательно улыбнулся, сразу визитку убрал в бумажник, а открытку снова положил в книгу. Я на секунду задержал взгляд на милом лице Инны, но не хотел, чтобы воображение снова увело меня вдаль от реальности, поэтому захлопнул обложку книги.

Я сделал зарядку, позавтракал, налил кружку чая и пошел на балкон. До выхода на работу оставалось полтора часа с учетом того, что обычно я приходил на полчаса раньше. Я стал набрасывать план на день: сначала продумал рабочие вопросы, за вчерашний день их накопилось больше обычного. Помедлив, я решил, что сейчас самое время обдумать, что написать Инне. Отрываться в

течение рабочего дня на столь волнительное и времязатратное занятие мне не хотелось. С чего начать писать?

«Привет, это Даня, вчерашний сумасшедший с перекрестка на Октябрьской», – я поднял глаза к небу и с шумом застонал: «Ну, что за бред!?!»

«Привет, мы вчера виделись...», – а вдруг она много с кем вчера виделась? Хотя, едва ли такие идиоты каждый день встречаются на ее пути.

«Привет, я вчера не представился, меня зовут Даня. Надеюсь, не сильно напугал на перекрестке», – звучало уже лучше, я положил голову на перила балкона. Я заперевживал, вдруг она ничего не ответит: мало ли какой тип пригласил ее встретиться, всегда проще дать визитку и убежать, а потом просто заблокировать его номер. Да, такая вероятность была и была весьма высокой, но попробовать стоило. Я мысленно отшлифовал текст первого сообщения и решил, что дальше буду действовать по обстоятельствам, а сообщение отправлю не раньше обеда, чтобы не вгонять себя в ненужные переживания раньше времени. Но мой великий цензор-голосок внутри уже жужжал: «Даже если не ответит, я буду стоять около ее дома и ждать, а если не дождусь – приду к ней на работу». Я горестно вздохнул: «Боже, куда я качусь? Мысли типичного маньяка».

Я вышел с балкона, было 7.30 утра. «Мама, скорее всего, проснулась. Нужно ей перезвонить ненадолго», – подумал я. Разблокировал телефон, на экране появился черновик сообщения для Маши. Я нажал кнопку «отправить» и набрал маме.

– Привет, мам, не разбудил? Я вчера заснул, телефон был выключен. Ты чего звонила?

– Привет, сынок, я не сплю, папу на работу собирала. Да я просто так, спросить, как у тебя дела. Как Машенька?

– Э-э, да все нормально, – «Маше на месяц запретили со мной видеться. А я, под шумок, решил встретиться с другой девушкой, которая, кстати, мне снится в эротических снах», – так маме говорить, точно, не стоило. – На работе все как обычно. У нас с Машей тоже все хорошо. Как у вас дела? Как у папы спина?

– У папы? Да как, как? – мама тяжело вздохнула. – Уколы делаю, мазями мажу, а толку-то? К врачу не хочет идти, говорит: «Что они мне там нового скажут, только денег неси им туда на анализы, да в Нижний заставят на МРТ ехать». Вот и весь его ответ.

– Жалко, мам, ну ты уж все равно заставь его сходить, или я давай позвоню, уговорю его? – я слышал, как мама расстроена. Папа всегда был таким сильным, настоящей надежной опорой семьи. Но здоровье дало слабину, от этого настроение у всех ухудшалось, а папа, будучи всегда неразговорчивым, кажется, еще больше замкнулся в себе, даже не жаловался, просто, молча, терпел жуткие боли.

– Сынок, ты ему не звони, он же все равно ничего тебе не расскажет. Лучше приезжай, или даже с Машей, познакомишь хоть? – мама давно просила об этом.

– Мам, да все дела, у нее экзамены скоро. Но я обязательно приеду с Машей, успеете еще познакомиться, – я надеялся, что такого ответа маме будет достаточно, решив, что экзамен – серьезный повод отложить знакомство. Так и получилось.

– Конечно-конечно, пусть Машенька сдает экзамены, она такая умница у тебя, учится, да красивая какая, – я показывал маме фото Маши, когда в прошлый раз ездил в Павлово. – Все, сынок, не буду тебя отвлекать. Звони иногда, я хоть порадуюсь за вас.

– Пока, мам, обнимаю. Передай папе привет.

Я положил трубку. «Надо обязательно съездить домой, а то был там последний раз в марте», – я пристыдил себя за то, что так редко вижу с родителями, особенно когда папа болеет. На экране высветился ответ от Маши:

«Доброе утро, Дань. Я так рада, что все в порядке. Какие у тебя планы сегодня после работы? Папа с мамой идут в театр в 7, у них сегодня годовщина свадьбы. Я думаю, что на часок незаметно могу убежать из дома. Давай встретимся?»

Я уставился на экран. Идеи для ответа словно обтекали голову по сторонам, не заходя в мозг – я не знал, что написать Маше. Я медленно положил телефон на комод, как если бы он мог сам решить возникшую проблему, а я бы спокойно

отправился на работу, как и планировал минуту назад. Я глубоко вдохнул, пытаюсь собраться. «Нет, надо ответить сейчас. Нельзя ничего планировать на вечер с Машей, даже если с Инной не получится встретиться сегодня, – я задержал дыхание, пробуя на вкус продолжение мысли, – или никогда». Я перебрал несколько вариантов, отбросив требующее пояснений «я сегодня не могу» и подозрительное «я вечером снова иду в спортзал», и напечатал уже ставшее мантрой: «Маша, очень много работы сейчас. Нужно закрыть срочный проект на этой неделе. Я, скорее всего, задержусь допоздна».

Я уткнулся лицом в ладонь. Мне не нравилось то, что происходило: я обманывал Машу, обманывал маму, возможно, вечером буду обманывать Инну. В конечном счете я обманывал себя. Я поднял голову и уставился в стену напротив, времени на рефлексию не было: «Я все решу после встречи с Инной, если она, конечно, состоится». Я отчетливо понимал, что, несмотря ни на что, хочу встретиться с Инной, хочу узнать ее.

Пока я одевался, телефон завибрировал. Я положил его сумку, даже не взглянув на экран, и отправился на работу.

Глава 7. Важный день

До обеда рабочие вопросы полностью занимали меня, не давая и секунды расслабиться: появился инсайд, что наша компания выиграет крупный тендер, руководство предварительно назначило меня руководителем конструкторской группы и попросило подготовить несколько презентаций. Потом начались бесконечные конференц-коллы с московским и лондонским офисами, брифинги, на которых я раздал задачи подчиненным. В 12.30 зашел Лёня и спросил:

– Ты на обед идешь? – и добавил с секундной паузой, неодобрительно посмотрев на меня. – Какой-то ты нервный.

– Лёнь, привет. Ты же слышал про тендер? Видишь, что тут творится: все на ушах, – офис, и правда, начал жить активной жизнью муравьиной фермы. – Идите, я потом схожу.

– Да никто еще ничего не выиграл, а все носятся, как мартышки около банановой пальмы, – прокомментировал он, закатив глаза, и, уже уходя, бросил. – Ты вчера так и не пришел, да?

Чисто теоретически, можно было соврать: «Я пришел, но никого не было», но мне не хотелось обманывать друга, да я не знал точно – ушел ли Лёня спустя полчаса, как писал мне, или остался еще на несколько часов с компанией.

– Нет, я направлялся в бар и... – я замялся, в груди и по лицу полыхнул огонь. – Встретил кое-кого по дороге.

– Кое-кого? – Лёня протянул последнюю «о» и ехидно поднял бровь. Он, конечно, заметил, как я покраснел. – Не хочешь ничего рассказать?

Я посмотрел на него самым отстраненным взглядом, на который был способен, и просто произнес: «Нет». Лёня ухмыльнулся, покачал головой и молча вышел.

Я разобрался с навалившимися делами только к 4 часам. Я был так занят и напряжен, что даже не думал о голоде, не говоря уже о сообщениях Инне и Маше. Я взял телефон, бумажник и пошел в соседнее кафе, потому что наша столовая уже была закрыта. Заказав бизнес-ланч, я посмотрел на телефон: три сообщения от Маши. Я не стал читать их, на секунду подумав: «Да что ж я за человек?» И выбрал в меню телефона: «Начать новый диалог». В открывшемся окне появилось поле: «Введите имя или номер». Я вспотевшей рукой достал из бумажника визитку и ввел номер Инны. «Так, дело за малым – вспомнить, написать и отправить то, что придумал с утра», – я принялся мысленно конструировать фразу, постепенно перенося ее на экран, но результат мне снова не нравился. Я заменил несколько слов, потом некоторые вернул, как было. Перечитав еще раз, понял, что обращаюсь к ней на «ты», и исправил все на «вы». Мысленно отругал себя: «В своей тупой голове говори с ней, как хочешь, а с девушкой ты не знаком, имей уважение». Финальный текст сообщения был таким:

«Привет, мы вчера не познакомились: меня зовут Данил. Помните, мы встретились вечером на перекрестке на Октябрьской? Надеюсь, вы не сильно напугались и не откажетесь выпить со мной кофе. Вы говорили, что сегодня после 9 свободны?»

Руки дрожали. Я нажал «отправить» и отложил телефон подальше, словно боялся, что он сейчас же зазвонит. Пока я испуганно смотрел на него, появился официант и поставил на стол салат и корзинку с приборами. Мне резко перехотелось есть, но все же я взял вилку и начал ковырять филе курицы в моем «Цезаре». «Ладно, что уж теперь переживать? Дело сделано, осталось только ждать ответа, – размышлял я. – А вдруг она не ответит? А вдруг у нее есть парень? Жених? Муж??? Дурак, у меня тоже есть девушка. Вот дерьмо, я даже не соизволил прочитать от нее сообщения!»

Я схватил телефон, открыл диалог с Машей, первое непрочитанное сообщение от 7.58 утра: «Жалко, но ты все равно пиши, если раньше освободишься. Я с 7 вечера буду на низком старте. Часов до 10 родители точно не вернутся».

Следующее сообщение от 11.41: «Дань, я так соскучилась, уже голова пухнет от зубрежки. И еще в зал хочу! И тебя хочу... Скорее бы тебя увидеть, обнять, поласкать везде». Подмигивающий смайлик в конце почти не привлек моего внимания, поскольку загрузилось фото из следующего сообщения, отправленного в 15.23: Маша лежала на кровати, обнаженная, провокационно выгнув спину и спрятав тонкие пальчики между ног. Текст был соответствующим: «А ты бы меня поласкал везде?» Я закрыл глаза и задержал дыхание, пытаюсь силой воли остановить нахлынувшее желание. Но инстинкт пересилил: я нетерпеливо открыл глаза и стал жадно рассматривать фото, опустив руку на брюки, чтобы сдержать эрекцию – все-таки я находился в людном месте. Я приблизил картинку и начал перемещать ее по экрану: я коснулся тонкой шеи, упругой груди, скользил вниз по плоскому животу к длинным ногам. Я остановил взгляд на Машиных пальцах: как бы я хотел сейчас увидеть то, что они скрывают. «Я тоже хочу тебя, развратница», – подумал я, и в это время наверху экрана появилось сообщение с номера Инны.

Сексуальное напряжение моментально улетучилось, я так разволновался, что нечаянно смахнул вилку со стола. Суетливо подбежал официант:

– Я сейчас заменю, не беспокойтесь, – он поднял упавшую вилку с пола. На миг мне показалось, что он покраснел, заметив фото на экране, но, не выдавая более себя, вежливо добавил. – Ваше рагу будет через минуту.

– Спасибо, – машинально ответил я.

Руки похолодели, я открыл сообщение от Инны:

«Привет, Данил, очень приятно! Я – Инна, хотя на визитке было написано, вы уже знаете. Я сегодня свободна с 18.00, мой пилатес перенесся на четверг, поэтому выбирайте место, я подойду».

Я перечитал сообщение несколько раз, часть меня ликовала: «Она ответила, ответила!» Другая часть была в ужасе и кричала: «Идиот, что ты творишь!». Через секунду появилось второе сообщение от Инны:

«Нет, вы меня не напугали, было даже забавно. Надеюсь, вы расскажете сегодня, что вас так обескуражило».

Я невольно улыбнулся, подумав: «Инна охарактеризовала мою неадекватность, словом «забавно». Весьма дипломатично». Официант принес рагу и чашку чая:

– Может быть, желаете десерт? – учтиво поинтересовался он, кладя в корзинку с приборами чистую вилку, обернутую салфеткой.

– Нет, спасибо большое. Пожалуйста, принесите сразу счет.

Официант кивнул и удалился. Я начал думать, куда можно позвать Инну. Мне определенно не хотелось приглашать ее в те кафе, где мы обычно сидели с Машей. Сама мысль об этом уже казалась мне какой-то грязной. «Я же ничего не делаю, почему сразу думаю про измену? Может быть, у Инны кто-то есть, мы же просто пообщаемся, – мне не понравилась эта мысль и, тем более, ее окончание, – и разойдемся навсегда». Я тяжело вздохнул и открыл приложение «Карты», почему-то хотелось выбрать кофейню рядом с местом нашей первой встречи. Я пролистал список, встретив пару знакомых названий: коллеги рассказывали, что бывали там и им понравилось. Я ответил Инне: «Предлагаю встретиться в «Волконском» на Семашко в 18.30. Вам удобно место и время?» Пока я расплачивался за обед, пришел краткий ответ от Инны: «Отлично. Договорились».

На работу я вернулся около 17.00. Оставался час до завершения рабочего дня, но, казалось, что больше толку от меня не будет: во-первых, я выработал весь свой потенциал, сделав максимум в первой половине дня, а во-вторых, я начал сильно нервничать перед встречей с Инной. К тому же, нужно было что-то

ответить Маше: поскольку новых идей у меня не было, а сегодня оправдание «много работы» было весьма кстати, я так и написал.

«Маша, я сегодня точно буду работать допоздна, не получится увидеться. Помнишь, я рассказывал про тендер? Мы его, кажется, выиграли. Меня назначили главным на проекте, очень много дел, готовим презентации с командой». Я быстро взглянул на Машино фото, решив не переусердствовать на этот раз с возбуждением, и дописал: «Ночью меня будет согревать твое фото, ты такая горячая. Хочу тебя безумно».

Как бы я ни хотел ничем занимать себя в течение часа, но периодически заходили подчиненные для обсуждения проектов презентаций. Время пролетело быстро. Аня, стажерка, которую я взял в команду, никак не уходила, закидывая меня ненужными вопросами. Я отвечал на ее тысячное: «Данил, а как здесь лучше сделать?» Сам же следил за временем: на часах было уже 18.15.

– Так, Ань, давай все завтра доделаем, – было даже не предложение, а учтивое выпроваживание с моей стороны.

– Данил, я бы сегодня хотела задержаться и доделать свой блок, можно еще пару вопросов? – Аня была милой девушкой, но чертовски не самостоятельной. Конечно, она совсем недавно пришла в компанию, но я был не из тех, кто любит учить новичков, а она постоянно доставала меня своими несущественными вопросами.

– Я сейчас спешу, у меня назначена встреча. Все завтра! – я встал из-за стола и начал собирать сумку. Аня поняла свою назойливость, и, покраснев, быстро попрощалась со мной и вышла.

Идти до кафе мне было недолго, минут десять, но я все равно боялся опоздать. Я всегда был пунктуальным, на важные встречи приезжал заранее, что уж говорить – даже на работу я приходил на полчаса раньше, чтобы спокойно обдумать план на день. К тому же, я еще не чувствовал, что заслужил доверие руководства, отчего к работе относился очень ответственно и старательно, делая большую часть проектов без лишнего делегирования задач.

Погода была жаркой, под ногами вился тополиный пух. Я торопился и сильно вспотел, сорочка прилипла к спине. Я лишь порадовался, что надел белую

рубашку – на ней следы пота были не так заметны, как на цветной. Я залетел в кафе, огляделся – Инны еще не было.

– Добрый день, вы бронировали столик? – спросила администратор.

– Нет, – я немного напрягся, ведь даже не подумал об этом. – Надеюсь, что у вас есть один столик на двоих.

– Конечно, – улыбнулась девушка, – проходите сюда. Но если бы была пятница, боюсь, мест бы не было.

Мы прошли к столику у окна, я разместился так, чтобы видеть дверь. Холодок внутри нарастал, я попросил принести воды: очень хотелось пить, и я понимал, что это не только из-за жары.

Через минуту официантка принесла мне стакан ледяной воды и меню, спросив, готов ли я что-то заказать сразу.

– Нет, я посмотрю меню, я у вас впервые, – ответил я и добавил. – Я дождусь спутницу, и мы вместе сделаем заказ.

Официантка кивнула и отошла. Я достал телефон и взглянул на время: 18.29. Руки похолодели. Чтобы занять время и отвлечься, я начал листать меню. Занятие оказалось весьма бесполезным – я так и не смог сосредоточиться и запомнить хоть одно блюдо. Я посмотрел на телефон: 18.33. «Уже опаздывает, – подумал я, и тут же прервал мысль. – Прошло всего 3 минуты, успокойся».

Спустя минуту дверь кофейни открылась, и вошла Инна. Она оглядывалась по сторонам, я поднялся из-за стола и помахал ей рукой. Она улыбнулась и пошла в мою сторону, не отрывая от меня взгляда. Сегодня она выглядела совершенно иначе: волосы были зачесаны назад и не привлекали внимания своим объемом и цветом, длинный красный жилет был самой яркой деталью ее одежды, все остальное было белым – белая рубашка, белые широкие брюки, белые туфли на высоком каблуке. Она подошла к столику и сказала:

– Привет, Данил. Простите за опоздание, здесь абсолютно негде припарковаться, – она поставила небольшую белую сумочку на стул, я заметил,

что на ней нарисованы маленькие клубнички, совершенно незаметные издали. – Терпеть не могу опаздывать, вы не очень долго ждете?

– Нет, не беспокойтесь, я пришел недавно, – я вдруг широко улыбнулся и сказал. – Привет, Инна.

Мы сели за стол. Мне было жутко неловко, я не знал, с чего начать разговор. Инна же казалась достаточно расслабленной, розовый румянец на ее щеках так и просил уточнения: «Сегодня так жарко». Но разговор о погоде – слишком банально, даже мой неискушенный первыми свиданиями ум это понимал.

– Вы прекрасно выглядите, – начал я, что показалось довольно уместным, и добавил, – хотя совсем иначе, чем обычно.

Инна улыбнулась и как-то хитро подняла левую бровь? Я замялся и вдруг понял: «Иначе, чем обычно? – это как? Когда обычно?»

– У вас вчера была другая прическа, – я судорожно махнул рукой, показывая на свои волосы, а в голове уже проносилось: «Дурак, что за танцы?! Думаешь, она не знает, что такое прическа?!»

– Ах, да. Сегодня была встреча с клиентом, выезжала на объект, – Инна откинулась на спинку кресла, сделав вид словно мое поведение не вызывало подозрений. Она провела руками по жилету и сказала, – поэтому максимально деловой стиль.

– Вам очень идет, – примирительно отметил я.

Инна улыбнулась теперь без тени подозрений и иронии, показав чудные маленькие жемчужные зубки, и ответила: «Спасибо».

Я показал на меню, и мы начали выбирать, что заказать.

– Вы будете чай или кофе? – спросил я, чтобы разбавить молчание.

– Данил, может, будем общаться на «ты»? – Инна сузила глаза. – А то мне кажется, что я общаюсь с клиентом, и сразу руки чешутся достать планы и

развертки.

– Я только «за». Тогда зови меня просто Даня, – мне сразу захотелось полностью перейти на дружеское общение. Только на работе меня называли Данилой. Хорошо, хоть не Данилой Валерьевичем.

– Хорошо, Даня, – Инна кивнула и задумалась, подняв глаза и забавно вытянув губы. – Хм, а чай или кофе? Лучше чай, на сегодня кофе и переживаний достаточно. Выбери, пожалуйста, любой зеленый, здесь слишком большой список.

– Тяжелый день? – решил узнать я.

– Угу, – только и ответила Инна, снова опустив глаза к меню. – Сейчас поем и расскажу.

Я подозвал официантку, и мы сделали заказ: я выбрал вечный «Цезарь» и холодный томатный суп, Инна – кабачково-морковную запеканку и манговое суфле.

– И, будьте добры, большой чайник мятно-клубничного чая.

– Чай сразу? – уточнила официантка, быстро записывая и не отрываясь от блокнота.

– Да, – одновременно произнесли мы вместе с Инной. Нам обоим очень хотелось пить.

Официантка удалилась, а Инна вопросительно посмотрела на меня и спросила:

– Мятно-клубничный чай?

– Э-э, да, тебе не нравится? – я смутился и выпрямился, готовый позвать официантку, пока она не скрылась на кухне.

– Нет-нет, отличный выбор. Просто необычный, – Инна смотрела на меня исподлобья и заговорщицки улыбалась. У нее была такая живая мимика, что

каждая фраза, казалось, имела свое собственное выражение лица.

Я пожал плечами, а сам опустил глаза на ее сумку и, улыбнувшись, сказал:

– Так вот что навеяло мне такой выбор.

Инна проследила за моим взглядом и, увидев россыпь маленьких клубничек на сумке, рассмеялась. Я тоже засмеялся. Мое первоначальное напряжение немного спало. Инна поставила локти на стол, уткнувшись подбородком в ладони, и непринужденно спросила:

– Расскажешь, что тебя так впечатлило вчера при встрече?

Вся ее поза выражала готовность слушать. Она пристально и заинтересованно смотрела мне в глаза, и в то же время взгляд был добрый, ласкающий. Любуясь ее большими голубыми глазами, совершенно не хотелось лукавить, но и правду нужно было выдавать дозированно, чтобы не испугать ее, иначе в ее голове сложится образ маньяка, ищущего свою жертву на протяжении шести лет.

– Я узнал тебя, – Инна насторожилась, словно не поняла. До меня сразу дошло, что при встрече я сказал, что мы не знакомы. Поэтому я уточнил, не копая пока вглубь событий шестилетней давности. – В пятницу я нашел открытку на набережной Феодоровского, там ведь была ты изображена? Я тебя узнал.

– А-а, – протянула Инна и обмякла. Она засмеялась и закрыла лицо руками. Я моментально вспомнил этот жест: точно так же она сделала в моем первом сне, когда не давала мне встать с постели. Холодок пробежал по спине, я тут же успокоил себя: «Это просто совпадение, перестань».

Инна снова подняла на меня глаза и продолжила:

– Вот уж не думала, что мне придется кому-то объяснять свой вандализм, – она выглядела растерянной и немного виноватой и задумалась, словно подбирая слова, чтобы лучше объяснить, что происходило в ту пятницу. – Блин, это была идея друга. Он заканчивает психфак и... Я не хотела, честное слово... В общем, это был его эксперимент, такое снятие психологического напряжения.

– И как, помогло? – я не был уверен, что понял суть псевдонаучного и антиобщественного эксперимента. Но поймал себя на том, что меня резанула фраза «идея друга», я ехидно думал: «Друг – это просто друг или твой парень-псих. Фак[3 - В данном контексте от англ. «Fuck» – твою мать.]!»

– Вообще без понятия, – засмеялась Инна, – просто было весело. И я бы не решилась, если бы мы не выпили бутылку вина до этого... мероприятия.

Я не хотел развивать тему «есть ли у тебя парень», в конечном итоге, это было довольно лицемерно, особенно с учетом моих собственных обстоятельств, поэтому обратил внимание на другое:

– У тебя на фото были длинные волосы, это тоже меня удивило вчера.

Официантка принесла чай, поставила на стол две чашки и красивый прозрачный чайник, в котором плавно и завораживающе перемещались зеленые листья и красные ягодные кусочки. Она добавила: «Пусть чай постоит пару минут, чтобы лучше заварился», – и ушла.

Инна молчала и смотрела в чайник. Казалось, ее тоже увлек чайный танец. Я хотел повторить вопрос, но Инна ответила отстраненно, не отрывая взгляда от напитка за стеклом:

– Да, сменила прическу. Фото старое, сделано год или полтора назад, – она неожиданно подалась вперед и посмотрела мне с вызовом в глаза. Я смущенно обратил внимание, как ее грудь легла на стол. – А тебе как больше нравится?

«Это же она про прическу? – я непонимающе уставился на Инну. – Конечно, про прическу, идиот, про что же еще?!»

– Это не важно, ты просто очень красивая, – почти шепотом ответил я, дивясь, как легко эти слова слетели с моих губ.

Я видел, как она начинает улыбаться, стараясь сохранить спокойствие, но на ее щеках предательски полыхнул уже остывший после жаркой улицы румянец. Инна ничего не ответила и, опустив взгляд, потянулась за чайником, чтобы налить в чашки чай и, вероятно, чтобы остановить неловкую тему разговора.

В кафе мы говорили в основном про свои повседневные занятия. Я узнал, что Инна уже два года занимается дизайном интерьеров. Она окончила строительный институт и несколько лет проработала в сметном отделе. Но «слепая работа с бумажками» – не то, о чем она мечтала с детства. Поэтому, пройдя несколько архитектурных курсов и курсов дизайна, устроилась помощником дизайнера. Она с таким чувством и страстью рассказывала о своей деятельности, что я позавидовал и засомневался: «Может, то, чем я занимаюсь – вовсе не работа мечты. Я не говорю о ней с таким пылом».

По вторникам Инна ходила на пилатес и очень расстроилась, что тренер перенесла сегодняшнее занятие на четверг, пояснив: «Я так устала сегодня, у меня не клиент – а дьявол, четвертый раз переделываю ему проект, а ему все не нравится. Все наши с ним встречи – сплошное битье головой об стену». Я сочувственно кивнул и сказал, что в пятый раз ему точно все придется по душе, добавив вскользь: «Если, конечно, у дьявола есть душа», после чего мы заговорщицки захихикали.

По субботам у Инны со студенческих лет осталась традиция ходить на первый сеанс в кино.

– Прямо каждую субботу? Но в кинотеатре может быть один и тот же фильм? – удивился я.

– Если уже смотрела, то иду на следующий сеанс. Я обожаю кино, ни за что не закончу эту традицию, – она по-детски замотала головой.

– Теперь знаю, куда пригласить тебя в следующий раз, – самодовольно усмехнулся я.

– Ну, уж нет! В кино я хожу исключительно одна. Не хочу пропустить важный диалог за... – она обиженно выпустила воздух из носа, – мало ли за чем, какая разница. Не нарушай моих правил.

И на этих словах Инна прыснула и залилась смехом, а я вместе с ней.

В целом разговор шел легко и свободно, мы много смеялись, и я, наконец, расслабился. Еда была вкусной, а мятно-клубничный чай казался невероятным: таким освежающим и бесконечно ароматным. Я редко пил фруктовые чаи,

считая их слишком приторными, но сегодня он подходил к случаю идеально. И, делая последний глоток, я уже знал, что этот вкус всегда будет ассоциироваться с Инной.

Я тоже рассказывал о своей работе, об учебе в Политехе, о футболе, на который совсем не осталось времени. Немного рассказал о детстве в Павлово и о том, как нелегко было переезжать от семьи и друзей в Нижний Новгород.

Ужин подходил к концу, я расплатился и предложил немного прогуляться до Верхневолжской набережной. Инна радостно согласилась. Мы шагнули из кофейни в чудесный теплый летний вечер и направились в сторону реки. Дорога сначала шла под уклон, а потом резко уходила вверх. Когда мы поднимались по ступеням, Инна, коснувшись моего локтя, попросила ненадолго остановиться.

- Ты устала? - предположил я озадаченно.

- Ногу натерла, - она приспустила красивую белоснежную туфельку: на пятке краснел пяточок мозоли. И в сердцах сказала, - дурацкие новые туфли.

Я растерялся. «Может предложить понести ее на руках?» - мелькнуло в голове. Но Инна уже открыла сумку и активно начала что-то искать.

- Подержи, пожалуйста, - она вручила мне зеленую папку, из которой вчера достала визитку, а сама продолжила поиски в сумочке. - Вот и решение проблемы.

Она потрясла коробочкой с пластырями. Инна прислонилась к стене дома и быстро опытным движением заклеила мозоль и надела туфлю.

- Чего только не найдешь в женской сумке, - сказала она, подмигнув мне.

- Ну что, разворачиваемся? - предложил я печально. На самом деле, мой план действий четко выстроился, когда мы вышли из кафе: дорога к набережной как раз вела через остановку, на который я впервые увидел Инну. Я решил, что лучшего момента может не случиться, и я расскажу ей полную версию своей истории. И уж если она решит, что я тот еще извращенец, то так тому и быть, даже переубеждать не стану.

– Нет, ты что! Все в порядке, – Инна удивленно развела руками и даже попрыгала, чтобы доказать свои слова.

– Ого, – я не скрывал облегчения, мне не хотелось отходить от намеченного плана, хотя я не придумал, что и как лучше сказать, и уж точно не хотелось, чтобы свидание завершилось. – Тогда пойдем, я тебе кое-что расскажу.

Мы, не спеша, начали движение вверх. Я нервно крутил пряжку ремня: «Раз заикнулся, то начинай». Я набрал побольше воздуха и робко начал рассказ:

– Инна, я тебя и раньше встречал. Только не пугайся, – почему-то мне казалось, что она непременно должна испугаться, хотя Инна просто с любопытством посмотрела на меня. – Шесть лет назад я ехал на футбол, стоял на остановке и увидел тебя. Это было в конце апреля, 24-го.

Я рассказал Инне о том, как мы встретились взглядами в маршрутке, как я вышел и понял, какую глупость совершил, как попытался ее найти, возвращаясь на остановку снова и снова. События и чувства тех дней ярко вспыхивали в моей памяти, я увлеченно делился ими с Инной, не боясь возможного осуждения или насмешки. Весь рассказ Инна внимательно слушала, не перебивая, и только по ее округлившимся глазам я понимал, что эта история действительно производит на нее впечатление. Мы подходили к той самой остановке: накренившийся после аварии остановочный павильон демонтировали, поэтому о том, что здесь была остановка, напоминал только дорожный знак.

Я остановился, Инна встала рядом, пораженная и молчаливая. Она казалась совсем юной и даже на высоких каблуках была лишь немного выше моего плеча: маленькая фарфоровая куколочка. Мы стояли на месте нашей первой встречи спустя шесть лет. Я почувствовал непреодолимое желание обнять ее и не отпускать: вдруг она снова исчезнет из моей жизни? Я пристально смотрел на нее, пылко завершая свой рассказ и следя за ее реакцией:

– И вот в прошлую пятницу мне в руки попала открытка, а на ней – твое лицо. Но я все так же не знал, как тебя найти, я был подавлен. И вчера мы встретились. Представляешь? Бывают такие случайности? Это скорее какая-то магия или несказанная удача! – на этих словах я взял ее за руки и замолчал.

От прикосновения к ее коже вверх по руке молнией пробежал электрический ток. Я был так взволнован и в то же время бесконечно счастлив. Заряд распространялся теплом по телу, я решил: «Если я не сделаю это сейчас – то не сделаю уже никогда».

И неудержимо поцеловал ее.

Я проваливался, падал в бездну космоса. Казалось, я сжался до размеров атома, пустота вокруг была невообразимо огромной. Но я был не одинок. Я чувствовал нежные губы на своих губах и холодные пальцы на шее. Мы вместе летели в безмерном пространстве. Я прижимал ее крепче, я видел звезды, я видел взрывы сверхновых и рождение галактик. Наш поцелуй был божественным провидением, началом нового безграничного мира и завершением прошлой пустой жизни. Я ощущал себя альфой и омегой, я растворялся во Вселенной и одновременно наполнял собой каждую частицу пространства. Я чувствовал в себе вечность.

Я коснулся лица Инны, пальцы вдруг стали мокрыми. Я испуганно открыл глаза и посмотрел на прекрасное лицо. По щекам Инны из закрытых глаз текли слезы. Я хотел снова прижаться к ней губами, вернуть прерванное блаженство, но она оттолкнула меня рукой и открыла глаза: на меня смотрело холодное апрельское небо – чистое, голубое, пролившееся первым дождем. Несколько секунд Инна пыталась совладать с собой, держа руку на моей груди. Я не мог знать, какие чувства обуревают ее душу в этот миг. И вдруг она отчаянно произнесла:

– Не смей влюбляться в меня.

Я окаменел. Мои руки безвольно упали вдоль тела, я ничего не понимал, не хотел верить.

– Что? – сдавленно выдохнул я.

Инна сделала шаг назад и покачала головой, словно хотела, чтобы я исчез, как появившийся из ниоткуда призрак. На ее лице блестели мокрые дорожки от слез. Я хотел закричать, но не мог. Уже более спокойно, но твердо Инна повторила:

– Не смей влюбляться в меня, Даня.

Она развернулась и быстрым шагом стала удаляться от меня, не оборачиваясь. Я бы мог побежать за ней, догнать, остановить, обнять, сделать что угодно, но я ощущал полную опустошенность. Во мне не было душевных и физических сил, чтобы сделать шаг, я лишь смотрел вслед своей уходящей мечте.

Так я простоял долго, наверное, слишком долго. Инна давно пропала из виду, тихие сумерки ложились на город. Я медленно развернулся и пошел в сторону набережной, мыслей не было никаких. Я лишь хотел впустить в себя немного ветра, чтобы хоть чем-то наполниться изнутри. Я сел на скамейку и опустил голову на руки.

– Даня! – донесся крик сзади. Я вскочил и резко повернулся в мимолетной надежде: увы, ко мне бежала Маша.

Она со всех ног прыгнула на меня, целуя в щеки, губы, нос, лоб.

– Ох, я дождалась тебя! Привет! – она сияла. – Я ждала тебя около твоего дома, но уже отчаялась и решила пройтись по набережной, и тут ты! Как же я рада!

Она крепко прижалась ко мне и уткнулась в шею. Я осознал, что еще не сказал ни слова, а Маша уже продолжала щебетать, отстранившись и негодуя на меня посмотрев:

– Ты чего трубку не берешь? Я тебе весь вечер звоню. Папа с мамой в шесть сорок ушли из дома, я ждала-ждала, звонила, писала тебе. В общем, собралась и приехала сюда к восьми. Вот уже полтора часа жду на подъезде, даже пару раз к квартире поднималась, когда соседи заходили, – она грустно вздохнула. – Скоро уже надо домой ехать, родители часам к десяти вернутся. Может, зайдём минут на десять к тебе?

– Маш, я... – я бросил фразу, я понятия не имел, что надо было сказать. Я вообще не хотел никого видеть, и сейчас я был совсем не рад Маше. Я не знал, буду ли я когда-то рад видеть ее снова. – Я очень устал, прости.

Маша сникла, она явно не ожидала такой реакции от меня.

– Блин, ты меня прости, Дань. Не надо было приезжать, я что-то совсем не подумала, – она примирительно приобняла меня. – На работе совсем завал?

Я кивнул. Я хотел поскорее уйти домой без лишних объяснений и остаться наедине с собой. Маша словно поняла мое желание:

– Ладно, Дань, иди домой, отдыхай. Я тоже поеду, чтобы не нарываться.

Мы молча пошли в сторону моего дома. Я проводил Машу до машины, она обняла меня на прощание и села в свою черную «Шкоду». Мотор завелся, Маша опустила стекло и сказала:

– Я люблю тебя, – печальные глаза готовы были расплакаться.

– Я тоже, – произнес я еле слышно. Мне стало неприятно: вторая девушка за сегодня плачет из-за меня. «Шкода» сдала назад и выехала из внутреннего двора. Я поднялся домой.

Я прошел на кухню, порылся в ящике и нашел снотворное, которое пил пару лет назад во времена жутких бессонниц после расставания с Леной. Я привычно достал две таблетки, запил водой из-под крана, завел будильник на 8 утра с мыслями «Плевать, приду завтра к 9 или позже» и лег спать, не раздеваясь и не принимая душ.

Мне приснился странный сон. Я стоял на поляне возле леса – место из моего детства в Павлово. На краю опушки дядя Слава, отец дворового друга Мишки, соорудил простой детский городок: цепные качели, подвешенные на турник, горка из обычной доски, металлическая лестница. Я стоял поодаль, а на качелях сидела Инна и махала мне рукой. Я пошел в ее сторону, чувствуя себя спокойным и умиротворенным. Подойдя, я присел рядом с ней на траву. В детстве это место было голым пятачком – дети вытапывали землю до песка, все-таки самое любимое место сельской детворы. А сейчас – высокая некошенная трава, одуванчики желтеют под горкой. Инна босыми ногами касалась свежей зелени, на которой блестела роса.

– Расскажи мне о детстве, Дань? Где мы?

Я огляделся. Тропинка в поселок давным-давно заросла, лес стал выше и гуще: сейчас бы я не пошел в эту чащобу один, как раньше.

– Я любил это место. Мы все лето проводили здесь, играя в догонялки и прятки. Я даже впервые здесь попробовал покурить вместе со всеми друзьями, чтобы казаться круче. А потом моя и Мишкина мамы лупили нас за запах сигарет от рук и одежды. Я ведь больше не курил, до самого ВУЗа, хотя некоторые ребята продолжали, – я глубоко вдохнул запах летнего луга. – Здесь так хорошо, но многое изменилось.

– Ты тоже уже не тот мальчик из мастерской дяди Славы, – сказала Инна.

– Да, – задумчиво протянул я, не задавая вопросов, откуда она знает про мастерскую и дядю Славу. Все казалось логичным. Я продолжал рассказ. – Здорово было чинить что-то, мастерить. Мой папа никогда не занимал меня так, как дядя Слава. Папа рано утром уходил на завод и поздно возвращался. А дядю Славу, когда его уволили, всегда можно было найти в гараже и посидеть с ним, разобрать старую стиральную машинку, которую ему принесли на ремонт. А он потом терпеливо собирал все детали, которые мы с ребятами раскидали по полу. Даже не кричал на нас, наоборот, рассказывал, что как называется, «это – вал, а это – шунт». Я и конструктором-то решил стать, когда, ничего не понимая, смотрел на схемы дяди Славы. А с годами уже начал немного помогать ему, Мишка так вообще в подмастерья заделался к отцу на весь учебный год, а я приходил летом каждый день и после учебы иногда забегал.

Я посмотрел на детский городок: все было ржавым и заброшенным, доска горки снизу совсем рассохлась от постоянной влаги, на лестнице отвалилась нижняя ступенька. В детстве мы помогали дяде Славе чинить и красить городок.

– Покачай меня, – попросила Инна. Я встал и толкнул качели, они издали протяжный скрип, звук разнесся по округе и утонул в лесу. – Мне тоже здесь нравится. Свозишь меня сюда как-нибудь?

– Обязательно, – я улыбнулся Инне.

Зазвонил будильник, я проснулся в слезах.

Глава 8. Пустота

Следующие дни тянулись бесконечно и вязко, словно в густом тумане несмотря на то, что на работе я старался не отвлекаться на личные переживания, бросив все силы на начавшийся проект: пришло подтверждение о выигранном тендере.

С утра в среду я написал Инне сообщение, попросив прощения за то, что поцеловал ее. За что еще я должен был извиняться, я не понимал: свидание прошло отлично, хотя, не исключено, что мне это только казалось. Следом, не дожидаясь ответа от Инны, я написал Маше:

«Маша, доброе утро. Прости меня за вчера. Я не знаю, как долго на работе будет так напряженно. Понимаю, что тебе нужна сейчас моя поддержка, но я и сам не в лучшей моральной форме. Готовься спокойно к экзамену, и я буду постепенно решать свои вопросы. Я с тобой, люблю тебя».

Сообщение было насквозь фальшивым: от придуманных проблем на работе до последних слов. Я лишь хотел оттянуть решение проблем до... Я не знал до чего, хотя бы до ответа Инны. Самое худшее, что можно было сделать Маше сейчас – рассказать ей правду, сорвав ее подготовку к экзамену. Тем не менее в голове постоянно вертелись мысли о прекращении наших отношений. Маша ответила, что все понимает, и «даже к лучшему немного отвлечься друг от друга, полностью погрузиться в дела».

Инна не ответила.

На работе навалилось множество рутинных дел – отправка запросов технических характеристик, согласование деталей с клиентом, утверждение командировки на производство – отчего дни казались бесконечными. Я часто мысленно возвращался то к свиданию с Инной с неземным и чувственным поцелуем и драматичным расставанием, то ко сну о встрече на опушке леса, то к тому, как и когда лучше сказать Маше, что я ее не люблю. Я каждый раз обрывал поток мыслей, иначе мог надолго погрязнуть в депрессивных переживаниях.

Около двенадцати зашел Лёня и, пристально на меня посмотрев, закрыл за собой дверь.

– Друг, у тебя вид паршивый, – сказал он негромко, словно переживал, что его могут услышать. – Что с тобой? Ты всю неделю сам не свой.

– Да все нормально, – я старался внешне выглядеть спокойным. – Не понимаю, о чем ты.

– У тебя синяки под глазами, как будто ты восстал из мертвых, – Лёня сел напротив меня. – Давай рассказывай, что случилось.

Он откинулся на спинку, готовый слушать. Я совершенно точно не собирался никого посвящать в свои переживания, как бы мне ни хотелось спросить совета у друга. Я молчал, уставившись на Лёню. Он побарабанил по столу, выдержав паузу, и сменил тему:

– Ты сегодня в зал идешь?

– Да, – ответил я и вспомнил, что не взял форму. – Черт, спортивку не взял.

– Ничего, заскочим к тебе и сразу в зал, – я по глазам Лёни видел, что он любыми способами собирался выпытать у меня всю информацию. – За Машей тогда тоже заедем по пути.

– Она... э-э, – я замялся.

– Вы расстались? – выпалил Лёня. – Ты поэтому такой?

– Нет, – сказал я менее уверенно, чем нужно было, – просто она сейчас к экзаменам готовится, ее отец не выпускает из дома.

– Ничего себе тип, – Лёня присвистнул. И через секунду добавил шепотом, – значит, ты остался без секса и совсем сник?

Он прищурил глаза, после чего рассмеялся. Я закрыл рукой лицо, даже не желая комментировать его выпад. Без грамма смущения Лёня добавил, поднимаясь из-за стола:

– Собирайся на обед, сегодня в три будет пицца, у Макса день рождения, поэтому выходим раньше.

Он развернулся в дверях и, увидев, что я все также сижу с рукой у лица, постучал по косяку, поторапливая:

– Быстро, быстро, быстро, – и ушел.

Мы с Лёней сдружились с моего первого рабочего дня. Он был программистом, но во время отпуска Макса, айтишника, замещал его. Так и случилось в день моего прихода: Лёня настраивал программы на выданном мне ноутбуке, мы разговорились, выяснив, что оба ходим в один спортзал и обожаем футбол. Таким образом, я быстро влился в компанию – ежедневные выходы на обед, отмечания дней рождения на работе и после – в баре, просмотр матчей по субботам у Лёни, или коллеги Оли, или в спортбарах. Молодой коллектив радовал меня не меньше, чем интересная работа. К слову, в день, когда я познакомился с Машей в спортзале, Лёня был на больничном. После того, когда мы начали встречаться, и я познакомил его с Машей, он постоянно подкалывал меня на тему: «Если бы я был в зале, то Маша точно была бы со мной. Тебе просто фартануло. Чертов грипп!»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Район Нижнего Новгорода

2

Нижний Новгород разделен на две исторических части: Заречная (Нижняя) и Нагорная (Верхняя). Нижняя часть находится на низинном левом берегу реки Оки, в то время как Верхняя – на холмистом правом.

3

В данном контексте от англ. «Fuck» – твою мать.

Купить: https://tellnovel.me/ru/sole_lina/otkrytki-padali-s-neba

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)